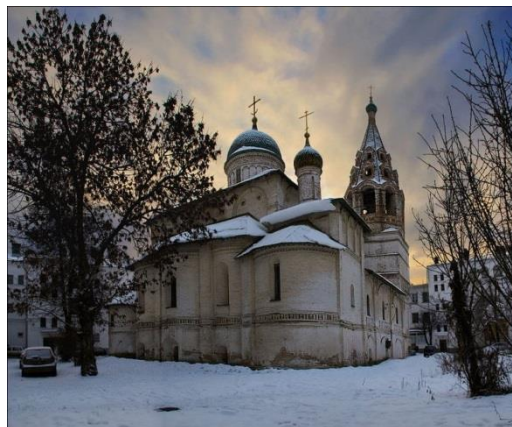

Даты января

1620-1621 – 400 лет со времени начала строительства церкви Николы Надеина

Данный замечательный памятник старины связан с одной особенностью древних русских городов, обычно сплошь деревянных. Ярославль в те времена часто горел, потому что постройки его в массе своей также были деревянными, беспорядочными, а улицы ещё и узкими, извилистыми, что, с одной стороны, способствовало быстрому распространению огня, с другой – мешало борьбе с ним.

Пожары были страшными и беспощадными. Один из самых сильных случился 9 июля 1536 года, как свидетельствуют письменные источники, «во граде Ярославле загорелась церковь Николая Чудотворца и от того сгорел весь град». Но поскольку горели часто, то и восстанавливаться научились быстро, благо основной строительный материал – лес – всегда рядом и в изобилии. Так и в данном случае: на месте сгоревшего храма Николая Чудотворца поставили другой, правда, посвящённый уже Благовещению Пресвятой Богородицы.

Дальнейшая судьба Благовещенской церкви не очень ясна. Как пишет в своей «Истории города Ярославля» Константин Головщиков, «известия об этом храме, стоявшем до 1626 года, темны». Зато доподлинно известно, что уже в 1620 году рядом началось сооружение нового храма – первого приходского каменного. Предполагалось, что это будет также храм в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. Но тут случилось чудо, коими так богата наша древняя история. Невесть откуда по Волге вдруг приплыла икона Николая Чудотворца, мало того, что приплыла, так ещё и встала напротив строящегося храма.

В ту пору чудесам подобным придавалось огромное значение, поэтому решили новый храм освятить в честь приплывшей иконы, что и сделали через год по окончательном его построении. Получился храм на славу: пятиглавый, с тремя приделами в честь Михаила Малеина, Александра Свирского, а с северной стороны в паперти – в честь Благовещения Пресвятой Богородицы. С южной и западной сторон храм опоясывали открытые галереи, ныне заложенные.

Храм стоял на массивном подклете, являвшемся, по сути, складом «купецкого товару», а в подалтарной части подклета обычно хоронили членов семьи создателя храма.

В 1751 году здесь появился дивной работы иконостас, изготовленный, по одним источникам, самим Фёдором Волковым, в соответствии с другими – только по его эскизам. Во всяком случае, епископ ростовский и ярославский Самуил в 1781 году заявил, что «иконы и иконостас сделаны собственным трудом купца (!) Ф. Г. Волкова, «зовомого в Ярославле Полушкиным, который был впоследствии в Санкт-Петербурге и в 1762 году пожалован российским дворянином».

Пол в храме, согласно преданиям, первоначально был мраморным или же яшмовым, но позднее по царскому указу его разобрали и все плиты вывезли в столицу, где уложили в Благовещенском соборе.

С юго-западной стороны одновременно с храмом поставлена шатровая колокольня, колокола для которой отлиты были в Голландии, что само по себе примечательно, ибо традиционно колокола на наших храмах свои, русские, чаще даже ярославские. Другой особенностью колокольни была установка на западной стороне её часов с боем, отбивавших мелодичным боем четверти и получасы, и среди ярославцев ходила даже такая поговорка: Как у Спаса бьют, у Ивана звонят, У Николы Надеина часы говорят...

В 1640-1641 годах храм расписали двадцать «кормовых царских иконописцев», руководимых костромичом Любимом Агеевым, в то время, пожалуй, одним из лучших мастеров стенной живописи.

В тридцатых годах XIX века храм подвергся значительной перестройке. Для облегчения сводов были убраны четыре главы с крестами и оставлена одна центральная барочной формы. А в середине XX века при реконструкции единственной центральной башни ей была придана шлемовидная форма, более характерная для древних русских храмов. Сама церковь являлась холодной, и потому в самом начале того же XVIII века поставили рядом тёплую зимнюю церковь в честь Рождества Иоанна Предтечи. В 1931 году Предтеченскую церковь снесли.

Есть и ещё одна характерная особенность данного храма: родившись в результате пожара, он сам перенёс страшный пожар буквально лет через тридцать после освящения. Это был пожар 1658 года, получивший название «великого», ибо фактически он уничтожил весь город и большую часть жителей его. Как указывают письменные источники, «и людей многое и неизвестное число погореша; повсюду мертвии лежаху: овии все сгореша, точию костем остатися, они же опалены, яко главни валяхуся на земле, а тии

от дыма и зноя изходиша». Сгорело всё, и над оставшимся вместо цветущего города пепелищем возвышались обгоревшие крепостные башни, да Спасо-Преображенский собор, да Николо-Надеинская церковь.

Главному храму прихода повезло больше: после революции он был передан краеведческому музею. Чуть позже - в 1929 году – ярославские музейщики провели классификацию всех имевшихся в городе церковных сооружений по степени их художественной и исторической ценности. В числе восьми других памятников церковь Николы Надеина была отнесена к высшей категории.

К особенностям храма следует отнести устройство в арках голосников. И как пишет всё тот же К. Головщиков, «... церковь эта есть первое, после Спасо-Преображенской церкви, наследие, сбережённое ярославцами от лет, давно минувших».

Из статьи Н. Н. Колодина «Надея Светешников и его храм»

1770 год – 250 лет со времени рождения губернского архитектора Петра Яковлевича Панькова (1770-1843)

Пётр Яковлевич Паньков родился в обычной мещанской семье города Ростова в 1770 году. По некоторым сведениям отец его Яков Степанович был обычным плотником и резчиком по дереву. С малых лет приобщал он к ремеслу сына, и тот овладел им настолько, что изготовил деревянную модель тёплого храма, которому предстояло встать рядом с известным ростовским Успенским собором.

Можно считать, что с модели той 1807 года и началась его творческая карьера архитектора-самоучки. Первые постройки являлись несложными в техническом отношении жилыми и, вполне вероятно, хозяйственными строениями ростовских обывателей. В оставленном неизвестным автором жизнеописании Панькова говорится, что ростовчане прибегали к услугам его «при постройке домов и других зданий», поэтому он начал уже составлять планы с фасадами строений.

Он проектировал для ростовчан жилые деревянные дома, одновременно изучая землемерное дело. Это второе освоенное им ремесло помогло ему изготовить «план городу Ростову с измерением его в натуре всех владельческих земель».

Из Формулярного списка П. Я. Панькова известно, что уже тогда, являясь по сути вольным архитектором, он «имел по личным поручениям господ гражданских губернаторов занятия в производстве многих устройств по городам Ярославлю и Ростову».

В следующем 1818 году Ростов посетила императрица Мария Фёдоровна. К приезду её Пётр Яковлевич подготовил презент в виде художественно исполненного плана города Ростова. И он настолько ей понравился, что автора она пожаловала золотой табакеркой.

Тогда же он взялся за изготовление чертежей, которые фиксировали состояние храмов и сооружений Ростовского кремля. Тогдашний губернатор, не лишённый просветительского флёра, Гавриил Герасимович Политковский сопроводил бумаги тем специальным письмом с хвалебным отзывом об архитекторе. В итоге академия художеств, рассмотрев бумаги, «...сочиненные уволенным из мещанского звания Петром Паньковым, нашла, что он имеет, действительно, большие способности и может претендовать на звание художника-архитектора». По именному указу Сената 18 июня 1819 года Паньков получает звание архитектора с чином XIV класса, то есть коллежского регистратора – пусть низшего, но всё же чина!

Касаясь взаимоотношений бывшего ростовского мещанина с губернатором, стоит напомнить, что именно этой паре обязан Ярославль первым зданием драматического театра.

На свои средства Паньков закупает декорации и театральные костюмы, берёт как бы в аренду крепостных актёров театра князя Урусова и ставит спектакли, да не просто какие-то, а классику: В. Шекспира, Ф. Шиллера, Р. Шеридана. Зимой труппа играла в Ярославле, на лето выезжала в Рыбинск, для которого десять лет спустя Пётр Яковлевич спроектировал и построил здание городского театра.

С новым губернатором Александром Михайловичем Безобразовым у Панькова складываются неплохие отношения. Он проектирует и строит губернаторский дом на Волжской набережной, готовый к заселению уже в 1823 году.

Не одним Ярославлем ограничивалась его деятельность. Им спроектировано и построено немало замечательных зданий в Рыбинске, Романове-Борисоглебске, Пошехонье. Человек исключительной работоспособности, он только для Духовного ведомства выполняет 139 планов и фасадов.

Но главное внимание, безусловно, - губернаторскому центру. Здесь, кроме упомянутых выше Гостиного двора и губернаторского дома, ещё и

мосты на Волжском и Семёновском спусках, совершенно оригинальные сооружения.

Им был спроектирован и осуществлён строительством (1820-1823) Мытный рынок, завершивший архитектурное формирование нового центра торговли в Ярославле. Им была построена церковь Ярославских Чудотворцев в Спасском монастыре. В том же монастыре им была надстроена колокольня. Появился верхний ярус с крупными стрельчатыми проёмами и лёгкой ротондой с теми же готическими арками.

При всём том Пётр Яковлевич оставался человеком своего времени. И всё, что не согласовывалось в его представлении с канонами русского классицизма, подлежало либо переделке, либо сносу. Проявлением того стала история с перестройкой «Дома священнослужителей Ярославского кафедрального собора», памятника русской архитектуры XVIII века, более известного нам как Митрополичьи палаты.

В 1825 году, будучи губернским архитектором, П. Я. Паньков получает важное задание: перестроить данное здание. Сохранившийся чертёж говорит о том, что под перестройкой Пётр Яковлевич в данном случае понимал кардинальное изменение всего облика средневекового строения, по сути своей никак не вписывающегося в строгие каноны классицизма. А посему им предлагаются совершенно иные фасады, главным из которых становился обращённый к Успенскому собору южный фасад, а не северный, обращённый к Волге. К счастью, именно этот проект Петра Яковлевича не получил одобрения в Санкт-Петербурге.

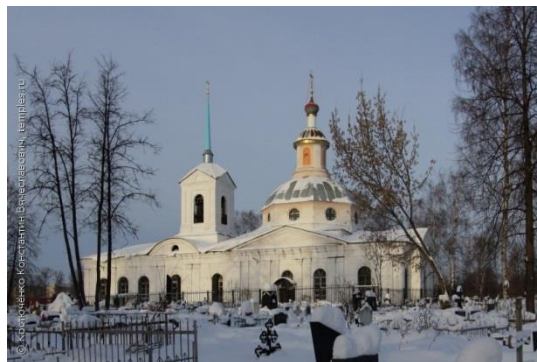
В последнее десятилетие Паньков очень часто, если судить по материалам Губернской строительной комиссии, привлекается к проектированию обычных жилых и хозяйственных построек, их фасадов и планов. Причём, за редким исключением, занимается этим единолично. Но роль его в данных случаях обычно была чисто технической.

В заключение приходится констатировать, что расцвет архитектурного таланта Петра Яковлевича Панькова приходится на 1810-1820 годы, то есть когда выступал он в роли свободного архитектора-самоучки, почитавшего лучшие образцы, но не канонизировавшего их. Возведённые им тогда здания по сию пору не просто украшают наш город, а и определяют, по выражению писателя Ивана Аксакова, его «приятную физиономию».

Из статьи Н. Н. Колодина «Архитектор-самоучка».

19 января 1790 года 225 лет назад приказ общественного призрения закончил восстановление ярославской Леонтьевской церкви на привычном для нас месте

Церковь святителя Леонтия Ростовского на городском кладбище ведёт своё начало от приходского Леонтьевского храма, который находится за афанасьевским монастырём.

Как уже отмечалось, в 1779 году в Ярославле было отведено место для нового кладбища, где решили построить «коштом обывателей» Леонтьевский храм взамен упраздненного в Земляном городе.

В 1785 году храмы Леонтьевского прихода были разобраны, кирпич от них частично использовали при новом строительстве, которое велось усердием Ярославского городского общества под надзором главного строителя полковника Говоркова». Добавим, что под наблюдением коллежского, а с 1798 года статского советника Козьмы Артемьевича Говоркова возводились Дом призрения ближнего, другие казённые здания в Ярославле. Для сбора средств на сооружение Леонтьевского храма была устроена деревянная часовня на Угличской дороге.

Когда начатое в 1789 году строительство храма близилось к завершению, встал вопрос о его оснащении. Прежнее имущество, временно хранившееся в Николо - Надеинской и Ильинской церквях, частично попортилось, частично затерялось. Кроме того, было признано, «что некоторые предметы из старых церквей придётся изменить (переделать) в размерах и формах». В первую очередь это касалось «чудно хорошего» главного иконостаса, который признали «непригодным» и продали за 800 рублей ростовскому купцу, городскому голове Н. А. Хлебникову, для покровской церкви (и сам храм, и его иконостас сгорели в ростовском пожаре 1800 года).

Что касалось церковной утвари, находившейся в Успенском соборе, то «приказано было протоиерею Артамону лучшие церковные вещи с жемчугом и золотом забрать, яко ненужные той церкви (Леонтьевской), а паче за отдалённостью её – дабо не выкрали тамо, - и хранить до усмотрения в соборной ризнице, и до времени потребного». К маю 1791 года сооружение и обустройство церкви успешно завершились, - как отметил священник Сильвестр Соколов, «современные тому граждане должны были отдать полную и справедливую похвалу Говоркову как строителю: храм был сделан

скоро, прочно и соразмерно в частях своих; поставленный на грунт «железняк», обещал (и обещает – по признанию знатоков «значительную долговечность»). Но первоначальное внутреннее убранство Леонтьевской церкви предстало скромным – «время и средства не позволяли сколько-нибудь украсить его». Так, новый иконостас был «без резьбы и позолоты, загрунтованный только под краску... иконы как в иконостасе, так и по стенам (все почти без риз) были сильно попорчены от переносок... стены не оштукатурены, а только выбелены».

Новый храм освятили во имя Леонтия Ростовского, это событие произошло при большом стечении горожан 23 мая 1791 года - в день обретения мощей святителя. Праздник был отмечен совершением «генерального» крестного хода из Успенского собора, впоследствии проводившегося ежегодно. В Леонтьевской церкви устроили два придела, в 1793 году – во имя девяти мучеников Кизических (в память посвящения придела прежнего храма) и в 1796 – во имя Фёдора Стратилата.

Все последующие годы продолжались работы по благоустройству храма. Поскольку прихода при нём не было, то средства поступали от горожан, которые «на каждую нужду церкви дружно и немедля откликались» - многие ярославцы стремились делать вклады в поминовение по душам погребённых родственников. За короткий срок в Леонтьевской церкви были устранены все недоделки – выстланы металлическим плитамы полы, оштукатурены стены, сделаны рамы, поновлены иконы, приобретены необходимые богослужебные предметы.

В 1806 году мастер Семён Степанович Завязошников украсил церковь Леонтия Ростовского стенным письмом, в 1830-х годах «старанием церковного старосты Алексея Андреевича Малышева» были вызолочены и убраны новой резьбой иконостасы в центральном и придельных храмах, поставлены выполненные художником Смирновым шесть икон для царских врат «прекрасной работы».

В числе предметов, перенесённых из прежнего Леонтьевского храма в новый, находились и его чтимые святыни. В первую очередь, это икона девяти мучеников Кизических. По свидетельству А. П. Крылова, она «издревле уважается не только жителями Ярославля, но и обитателями окрестных мест. Страждущие лихорадкой во множестве прибегают к ней для молебствия и, по силе веры, получают исцеления». В храм поступили также икона Спаса Нерукотворного с частицами мощей святых и на престольный крест 1632 года с частицами мощей Леонтия Ростовского, святых Прокопия и Анастасии.

Исстари на Руси существовал обычай приносить в храм иконы в память об умершем родственнике. В Леонтьевской кладбищенской церкви хранилось много таких «жертвуемых и сорокоустных» икон. В 1915 году И. А. Тихомиров, откомандированный Ярославской архивной комиссией, отобрал в кладовой храма Леонтия Ростовского 42 иконы, которые были «весьма желательны как памятники местной иконописи к передаче в местный музей». Причт храма запросил за них 500 рублей, но председатель архивной комиссии князь Урусов обратился с ходатайством к архиепископу Ярославскому Агафангелу о передаче образов безвозмездно в Древлехранилище, опасаясь «перепродажи этих святых икон даже за границу».

В обширной литературе о ярославских храмах выделяется детальным знанием исторического материала книга о Леонтьевской церкви священника Сильвестра Соколова, прослужившего в ней больше 15 лет. Вот как он описывает проведение храмового праздника этой церкви, который являлся и общегородским:

«Особенно оживлённую картину представляет из себя кладбище 23 мая – в день обретения мощей св. Леонтия и освящения местного храма. После ранней литургии в этот день ежегодно бывает на кладбище крестный ход, с особо чтимыми городскими иконами – из [Успенского] Собора, Спаса Обыденного, Каз[анского] монастыря и Толгского, сопровождаемый городским духовенством и множеством народа. Взору идущих кладбище представляется сплошной зелёной стеной, над которой, как путеводные звёзды, высятся и блестят церковные кресты и как бы светозарными лучами святой надежды озаряют окрест и жилища, служащие убежищем переселившимся из временного и пространственного в вечное и беспредельное. Внутри взор остановится на своеобразной живописности кладбища: местами редяющие ветви деревьев открывают то самые стены храма, то изящный и ценный памятник или часовню, воздвигнутые любящей и родственной душой, то простые видом, но великие значением своим – надмогильные кресты, символы вечной надежды усопших и опора оставшихся.

Крестный ход возвращается после поздней литургии обратно, народ же остаётся, уходит и приходит вновь из города до позднего вечера: желающих отслужить в нарочитый сей день литию на могилах бывает столь много, что удовлетворять их приходится уже не местному причту, а другим – градским и даже иноокружным – священникам».

При Леонтьевском храме ещё в 1795 году прихожане устроили богадельню, в начале XX века в ней призревало более двухсот человек; в 1894 – были открыты церковно-приходская школа, попечительство.

Неподалеку от церкви стояла деревянная часовня, которая до возведения каменного храма служила кладбищенской церковью; несколько часовен, деревянных и каменных, находились на военном и гражданском кладбищах, но из них по клировым документам к церкви Леонтия Ростовского была приписана только одна – деревянная, построенная в 1901 году на холерно-больничном кладбище.

В 1928 году под Леонтьевским храмом был погребён митрополит Ярославский и Ростовский Агафангел, причисленный к лику святых в 2000 .

Церковь Леонтия Ростовского была закрыта в 1941 году. В 1992 - возвращена Русской Православной церкви.

Т. А. Рутман «Леонтьевская кладбищенская церковь» из книги «Храмы и святыни Ярославля».

Составила – библиотекарь Светлана Дмитриевна Нечай.